

Виктория Двойнишникова

Свинцовая тяжесть семейных долгов

Тугой узел

Виктория Двойнишникова

**Свинцовая тяжесть
семейных долгов. Тугой узел**

«Издательские решения»

Двойнишникова В.

Свинцовая тяжесть семейных долгов. Тугой узел /
В. Двойнишникова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937219-2

Всегда ли наш жизненный выбор зависит только от нас? Ситуация, в которой человек чувствует себя как в плену, часто оказывается связана с унаследованной семейной травмой. Нерешенная проблема из прошлого семьи может быть обречена на повторение. Но как разорвать запрограммированный сценарный круг? Слово далекое прошлое неизбежно вернулось в настоящее главной героини Ксении, вынуждая оплачивать семейные долги, испытывая, как моменты огромной радости, так и невыносимого горя.

ISBN 978-5-44-937219-2

© Двойнишникова В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Тугой узел	8
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Свинцовая тяжесть семейных долгов Тугой узел

Виктория Двойнишникова

Редактор и корректор Наталья Астанина

Иллюстратор Дарья Звонцова

© Виктория Двойнишникова, 2022

© Дарья Звонцова, иллюстрации, 2022

ISBN 978-5-4493-7219-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Всегда радостно встречаться с творчеством, а с творчеством коллег, особенно! Предомной повесть психолога и транзактного аналитика Виктории Двойнишниковой с сильным названием «Свинцовая тяжесть семейных долгов», которое сразу дает понять – автор не из робких людей и практиков, коль взялась за одну из самых сложных тем психологии и психотерапии – сценарии жизни. Погружаясь в чтение ощущаешь напряжение, концентрацию мысли и чувств, а сюжет в жанре профессионально-художественной прозы, захватывают живым опытом специалиста. Задумываешься и профессионально, и по-человечески о превратностях судеб, о чем находим прежде всех у Эрика Берна и Клода Штайнера. О чем еще раньше, в ветхозаветном писании сказано просто и однозначно: «Отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина» и в Св. Писании: Бог говорит Моисею, что Он наказывает детей за вину отцов до третьего и четвертого рода (Исх 20.5; Лев.26.39—40), но добавляя: «ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои». Потому ценность данной небольшой книги, истории ее героев видится в большом и терапевтическом подтексте, а интригующая обывателя гипотеза терапии, столь понятная специалистам приводит всех нас к выводу: что бы «развязывать узлы» трагического сценария, необходимо вернуть подлинную Любовь к Богу, себе и людям.

Рекомендую читателям разным, но однозначно-думающим, а начинающей интересной писательнице – вдохновения на продолжение начатого!

В добрый путь Виктория!

Зуйкова Надежда Леонидовна; канд мед. наук; доцент; зав. кафедрой Психиатрии, психотерапии и психосоматической патологии ФПКМР РУДН; Председатель МОП-объединения; сертифицированный в Европе транзактный аналитик, тренер, супервизор и экзаменатор ЕАТА; Россия, Москва

Моим предкам далеким и близким с любовью и благодарностью

Предисловие

В этой книге я описываю свой практический опыт психолога, касающийся влияния незавершенных семейных травм. Скорее это попытка интегрировать литературу в психологию и наоборот путем переплетения реальности и художественного воображения.

Моя многолетняя практика показывает необходимость глубокого исследования семейного наследия, поскольку есть жизненные обстоятельства, которые личность способна изменить после их переосмысления, а есть обстоятельства, когда сила и глубина травматических следов семейного прошлого не может быть переработана личностью самостоятельно.

Анализируя родовые истории и семейные связи своих клиентов, я наблюдаю, как их предки завещали им жизнь, которую они в свою очередь передают своим детям. Их многочисленные эмоциональные и финансовые потери часто связаны со скрытой травмой несправедливости в прошлом семьи и рода, которая ими бессознательно унаследовалась. Этот феномен унаследованной травмы носит название трансгенерационной передачи травмы (англ., *transgenerationally transmitted trauma*).

Психотравма как потеря или энергетическая пустота переносится неосознаваемым интроектом в психику личности, не соответствуя ни ее природе, ни ее актуальным потребностям, и разрушительно влияет на ее жизнь. Если травма не находит достаточной психологической переработки – оплакивания, траура, воспевания, в том числе через психотерапию, то происходит накопление негативной психологической энергии и ее трансгенерационная передача последующим поколениям. Травматическое сознание, не имея возможности выйти из нежелательного состояния, обречено на навязчивое повторение.

Там, где коллективная или индивидуальная травма оставила глубокую рану, я замечала психические и физические страдания людей, которые прорывались наружу психодинамическими феноменами и другими различными симптомами. Ощущая влияние тайной истории в прошлом семьи и рода своих клиентов, которая крайне сложно проживается ими в настоящем, я осознавала необходимость исследовать факты их жизни, обнаружившие трансгенерационные контуры.

Сложная, противоречивая и порой трагическая история нашей страны и народа вынуждала многие поколения жить под давлением страха, безысходности и отчаяния, которые, закапсулированные, передавались из поколения в поколение, как «горячая картошка» (F. English, 1971)¹, которую невозможно долго держать в руках – она обжигает. Войны и тоталитарный террор, обусловившие появление множества коллективных и индивидуальных травм на протяжении XX века, глубоко повредили наши родовые корни. Потери родовой идентичности проживаются многими из нас отсутствием уверенности, безопасности, стабильности, понимания своей целостности, безнадежным взглядом в будущее.

«Синдром выжившего» (Leopold R., 1963), «синдром узников концентрационных лагерей» (V. Frankl, 1959), «патологическое горе» (Liderman E., 1944), «синдром тайны изнасилования» (Burgess A., 1974), «Военный травматический синдром» (Levy S., 1971; Bourne R., 1972) отражают состояния людей, которые подверглись психотравмирующему влиянию. Однако болезненные чувства и прошлые события, вытесненные из сознания, не имеют возможности участвовать в проектировании будущего и остаются следом, повторяющимся в пространстве.

Исследование семейного опыта и его трансляции в семье создает основу для понимания вертикальных (межпоколенчатых) механизмов формирования сценария жизни. «Сценарий – это постоянно действующий жизненный план, созданный в детстве под воздействием родите-

¹ English, F. (1971). Substitution factor rackets and real feelings. Part I. Transactional Analysis Journal. 1:4, 27—32.

лей. Это психологическая сила, подталкивающая человека к его судьбе, независимо от того, сопротивляется ли он или подчиняется добровольно»².

Многие сценарные темы клиентов содержали семейные секреты, которые родовая память хотела либо забыть, либо стереть, но они отчаянно вырываются наружу в жизненных историях потомков. Как правило, это истории, связанные с чем-то «постыдным» и «непристойным»: сексуальное насилие, инцест, катастрофы, жестокость, убийства, алкоголизм, предательство.

«Все происходит так, как если бы некоторые плохо захороненные мертвецы не могли оставаться в своих могилах, приподнимали плиты и перемещались, прятались в этот „склеп“, который носит в себе – в своем сердце и в своем теле – кто-то из членов семьи, откуда они выходят, для того чтобы их признавали, не забывали о них и о происшедшем событии»³.

В своей практике я помогаю клиенту идентифицировать свой «склеп», своего «мертвеца», чтобы освободить его призрак, который гуляет на протяжении трех-четырех поколений, и освободиться от него самому.

Работая над этим, я часто чувствую себя как в церкви, где человек соединяет свое прошлое с настоящим, которые сплетены невидимыми нитями трагических событий, невероятных повторений имен и дат, синдромов годовщин, сценарных решений и расплат. «Мертвые невидимы, но они не отсутствуют» (Блаженный Августин).

Вскрывая сценарные сообщения и содержание травмы, клиенты интегрируют травматическое бессознательное в сознание и, восстанавливая справедливость трансгенерационных передач, останавливают продвижение сценариев прошлых поколений в текущих отношениях, делая свою жизнь целостной и менее напряженной. Использование в терапевтической практике трансгенерационного метода помогает моим клиентам встретиться с предыдущими поколениями, открыть самих себя, отделяя себя от погибших, умерших, и достичь эмоционального катарсиса как средства преодоления травмы. Так они поднимаются налегке в гору, отпуская «санки» с тяжелой ношей из прошлого, которые вынужденно тащили до сих пор за собой.

Одновременно осознание своей принадлежности к тем людям в роду, которые проявили мужество и выдержку, смогли ощутить вкус к жизни и научились радоваться ей, ведет к признанию своего происхождения и появлению жизненно важных ресурсов.

Я благодарна моим клиентам за доверие ко мне и предоставленную возможность быть свидетелем и в каком-то смысле проводником в таинственном путешествии по лабиринтам их жизни. Я получала доступ в таинственный, скрытый мир и, восхищаясь их мужеством и мотивацией, проходила вместе с ними нелегкий и запутанный путь странника, который ищет свою тропу.

Знания психоанализа, расширенные и углубленные пониманием трансгенерационных связей, невозможно получить только из учебной литературы и в процессе академического образования, поэтому я развивала практический опыт, максимально используя свои интуицию и творческий потенциал.

В целях необходимой безопасности моих клиентов все имена были изменены, а совпадения прошу считать случайными.

² Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М.: АСТ, 1996. 399 с.

³ Шутценбергер А. Синдром предков: трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциогаммы. 3-е изд. М.: Психотерапия, 2007. 256 с.

Тугой узел

Не судите чужого прошлого, Вы не знаете своего будущего.

День начался как обычно: я накормила сына завтраком и отправила его в школу. У меня же был сегодня выходной, и приемов не планировалось, поэтому я старалась переделать все накопившиеся дела. И поскольку моя энергия, видимо, увеличивается под давлением разных дел, мне удалось сделать все возможное и невозможное.

За окном сентябрьское солнце, свет его еще крепкий, но тон становился уже холоднее. Ветер не набрал пока осенней резкости, и от этого яркая листва не летела, а медленно кружила. Она покрывала шуршащим разноцветным одеялом улицы, создавая праздничное настроение. Природа, перепутав времена года, дарила много солнца и тепла, и душа, согреваясь бабьим летом, медленно настраивалась на лирический лад. Я никуда не спешила и откровенно наслаждалась этим днем, убегая в мир тихих размышлений и приятных грез.

Ничто не может так внезапно приблизить нас к чужой жизни, как резкий телефонный звонок, хотя собеседник остается для нас невидимым и далеким на другом конце связи. В свой выходной я не люблю незапланированные звонки – они сокращают время сладкого удовольствия отдыха. Я увидела знакомый номер моей близкой родственницы Ксении и на автомате сняла трубку, переворачивая на сковороде шипящие отбивные. И вдруг вместо привычного и неторопливого «Привет! Как дела?» я услышала страшный крик – крик о помощи. Сердце упало, а я оцепенела. Истерика со страхом, ужасом и разрозненные слова сквозь рыдания: «Мне плохо, помоги, мне плохо... Я не знаю, что со мной».

Не понимая, что происходит, я тоже закричала в трубку: «Что случилось? Где ты?» – и почти упала на спинку кресла – эмоциональный удар от неожиданности и страха был столь велик, что, потеряв внутреннюю опору, я искала ее вовне. Услышав мой истошный вопль, прибежал перепуганный сын, к тому времени вернувшийся из школы, и, ничего не понимая, смотрел на меня, затаив дыхание.

Я слушала и не понимала ее невнятную и бессвязную речь. До моего сознания доходили обрывки слов о каком-то проклятье, которое приведет к смерти ее дочери, о страшных женщинах, о драке. В моем мозгу пронесся вихрь из мыслей, предположений, догадок, фантазий и образов. Одни страшней других.

Пробираясь сквозь страх к реальности, я ухватилась за свой опыт в работе, когда клиенты при соприкосновении с травматической ситуацией из прошлого испытывали ужас. Я же своими методами возвращала их к действительности.

И сейчас я кричала в трубку: «Ты помнишь, как меня зовут? Как зовут моего сына?» Вдруг я услышала тишину, а потом сквозь всхлипывания – правильные ответы. Оправившись сама, я выдохнула и стала расспрашивать ее дальше:

– Где ты сейчас находишься?

– В метро.

– Ты внизу в метро или уже вышла на поверхность?

– Внизу.

Ее голос стал сникшим и вялым. Появляется надежда. Откашливаюсь.

– Какого цвета стены в метро?

Наступила снова тишина.

– Светло-серые.

– Что ты держишь в руке?

– Сумку.

– Какого цвета твоя сумка?

– Черная.

Я поняла, что Ксения вернулась в реальность. Мой страх стал отступать, и вместо него появилась тяжелая, вязкая тревога, которая несет с собой невнятное ощущение безысходности и собственной бесполезности. Я здесь, а она там! Мне безумно хотелось оказаться с ней рядом, спасти ее, как в детстве, защищая от уличных мальчишек и злых учителей. Трепещущая в лучах солнца листва, позолоченная сентябрем, – все исчезло, как в разверстой пропасти.

Через полтора часа она была у меня дома. Еще довольно молодая, элегантная, сейчас она была в классических черных брюках, тунике сочно-красного цвета и солнцезащитных очках. Пережитый ужас выдавало искаженное, побледневшее лицо, обмякшая фигура на подкошенных ногах. Она напоминала мне маленькую испуганную девочку, которая хотела куда-нибудь забиться, скрыться от чего-то невероятно страшного.

Ее тело била мелкая дрожь, словно на улице было холодно. Меня удивил ее взгляд – взгляд человека, испытавшего огромное потрясение – почти неподвижный и потерянный. Я держала себя ровно, без лишней эмоциональности, понимая, что этого сегодня было предостаточно для нас обеих. Мы прошли с ней в комнату. Она бросила солнцезащитные очки на журнальный столик и упала в первое стоявшее на ее пути кресло. Вжалась в сиденье и прикрыла глаза. Казалось, что ей необходим внешний толчок, помощь из реального мира, чтобы выйти из безмолвного кокона и начать что-то говорить. Я налила ей чашку горячего чая и, напряженная, села напротив нее.

Тихим голосом, едва живая от страха, Ксения начала рассказ. Ее дыхание было прерывисто и тревожно.

– Перед работой я заехала в один торговый центр, чтобы купить подарок коллеге ко дню рождения. Я обходила бутики, присматривая что-нибудь интересное для Людки. Я обнаружила одну вещь, которая могла бы понравиться ей, и я решила ее купить. Когда расплачивалась, почти неосознанно, чувствуя больше спиной, я заметила какую-то женщину. Это была крашеная блондинка, на первый взгляд ничем не примечательная, но было в ней что-то, что вызывает чувство тревоги и опасности. Мгновение, но я это почувствовала. Диалог с продавцом выдернул меня из этого ощущения. Я взяла подарок и вышла из торгового центра.

Ксения сидела, бессильно опустив плечи и уставившись невидящим взглядом в голую стену. Она невольно затаила дыхание, словно подбитая птица, вслушиваясь в себя. Потом взглянула в мою сторону; я напряженно наблюдала за ней и понимала, как мучительно вспоминать ей все это.

Чай на столе остывал, выбрасывая в воздух остатки горячего пара. Сделав глоток, она продолжала:

– Я зашла в метро и стала ждать поезд. Вдруг рядом со мной на платформе возникли две женские фигуры, одна из них блондинка из торгового центра. Она подошла ко мне близко и стала что-то говорить и шептать. Какие-то слова я понимала, какие-то нет. Я слышала что-то страшное: «несчастье твоему роду», «угроза твоим детям», «если я что-то не сделаю, то все это сбудется». Вдруг я почувствовала, что стала куда-то проваливаться, при этом что-то ей отвечала. Вторая женщина, черноволосая и одетая во все черное, ходила вокруг нас кругами и, как мне показалось, тоже что-то нашептывала. И от этого мне становилось еще хуже и страшнее.

Потом какие-то обрывки в памяти. Дальше провал, ничего не помню – чистый лист. И только потом я поняла, что стала приходить в себя, когда увидела в своих руках женскую голову, которую била о колонну метро, защищаясь от опасности. Я не осознавала ее до конца, но ощущала как что-то неизбежное и трагическое. Я била за себя и за свою дочь! Я сопротивлялась и боролась не только с ней, но и с чем-то еще, с чем не могла внутренне согласиться и, похоже, делала это с яростью!

Сколько прошло времени, я не знаю, но когда сознание окончательно вернулось, я обнаружила вокруг себя людей. Они смотрели на меня с испугом, некоторые даже отбежали в сто-

рону. Я в ужасе отшатнулась, когда увидела клок чужих белых волос между пальцами своей руки.

Меня трясло и подбрасывало. Что это было? Как такое могло случиться? Опираясь на стену метрополитена, плохо соображая, я набрала твой номер телефона.

Что это было? Тот же вопрос задавала себе и я. И было ли все на самом деле? Где истина? Ксения сошла с ума, психоз, спровоцированный гипнозом? Мою душу захватили жалость, отчаяние и сострадание. «Сошла с ума». Избитая фразочка, которую мы бросаем всякий раз, когда не можем по-другому выразить смесь нашего удивления и возмущения. Но видеть чье-то безумие, которое стирает грань между реальностью и фантазией, прокладывая путь к самому себе психической революцией, страшно, очень страшно.

Очевидно, она заметила мою растерянность, потому что спросила: «Ты мне веришь? Ведь ты же не думаешь, что я сошла с ума и на самом деле этого ничего не было?»

Меня поразило совпадение наших мыслей о помешательстве. Я ощутила неприятное чувство стыда, очень вредное и ужасное. Ты понимаешь, что за тобой подсмотрели, когда ты совершил что-то запрещенное, и тебе непременно хочется сказать, что тебя неправильно поняли.

И все-таки первая мысль была – гипноз, в народе его называют – цыганский. Внутри меня включился аналитик.

Что я знала о нем? То, что цыганский гипноз – древнейший способ психологического воздействия, который корнями уходит в индийские практики. Цыгане освоили это искусство давно, и оно передается из поколения в поколение исключительно по женской линии – мужчины не владеют даром гипноза. Однако не все цыганки обладают нетрадиционными способностями. Тех, у кого они есть, зовут «профессионалками». Это они, как правило, «обрабатывают клиента», а остальным цыганкам достается роль отвлекающих внимание доверчивых прохожих. Кто из нас не слышал на вокзалах, улицах и площадях: «Давай, красавица, погадаю, скажу, что тебя ждет»? И если им удастся привлечь внимание растерянного человека, начинается вторая часть цыганского «театра» – внушение.

Тарабарщина, которую они бормочут, облекается в форму таинственного пророчества, и ты не замечаешь, как неожиданно на глазах у прохожих становишься главным действующим лицом их шарлатанского представления.

Что они хотели от нее? Денег? Тогда почему они стали «работать» у всех на виду, ведь метро не самое безлюдное и тихое место? Я не знала ответов на эти вопросы. Одна гипотеза сменяла другую и, не найдя подтверждения, превращалась в комок сомнений и горького предчувствия неприятных последствий.

День в сентябре проходит быстро. Он кажется долгим в начале, когда восход солнца над лесом смешивает бесконечное пространство со временем. И думаешь: вечер еще не скоро наступит. Однако, забыв о часах, я обнаружила, что за окном давно стемнело. Простившись до утра, я уходила к себе в спальню с тяжелым сердцем. Что-то тревожное было в этой странной истории.

– Спокойной ночи! – медленно проговорила Ксения, закутанная в теплый плед поверх сорочки, сжимавшая в руках маленькую иконку.

Я обернулась на особый оттенок ее голоса и поймала выражение нескрываемого тоскливого страха на ее возбужденном лице. Я легла в кровать и тотчас закрыла глаза. Тяжелые впечатления наплывали в душу. Омерзительный день! У меня была только одна цель: полностью избавиться от чувств. Тьма валилась вниз, и я заснула.

Школа стояла на опушке небольшого леса, в стороне от проезжих дорог и машин. Типичное здание советской постройки – белое, с большими и светлыми окнами. Перед школой росли

высокие, статные березы, посаженные много лет назад на субботнике тогдашними старшеклассниками. Это было любимое место детей, которые, играя на переменах в салочки, со звонкими криками прятались за шершавые стволы этих красавиц.

Когда раздавался долгожданный и пронзительный звонок, из школы, размахивая портфелями, выбегала громкая детвора. Повсюду мелькали красные пионерские галстуки, а старшеклассники-комсомольцы, собираясь по трое-четверо, обсуждали планы на вечер.

И только две девичьи фигуры почти всегда отделялись от остальных. Эти девушки, как правило, предпочитали тихую компанию друг друга. Они были одинакового роста, аккуратно одетые и немного отстраненные. На этом их сходство, пожалуй, заканчивалось, и гораздо ярче выступали различия.

Ксения, тихая и незаметная в классе, становилась веселой, живой и даже яркой со своей подругой-одноклассницей. Ее пышные каштановые, отливающие рыжинкой волосы подчеркивали фарфоровую белизну кожи. А ее глаза, всегда смотревшие с некоторым подозрением, то весело искрились, то наполнялись слезами.

Она обладала нежной чувствительностью девушки-подростка и лишь впоследствии зрелость придаст ее облику решительность. При этом она рано научилась скрывать свои истинные мысли, чувства и желания, если хотела или если в этом была особая нужда. Сеть, сплетенная из маленьких обманов, становилась ее секретом и смыслом жизни. Казалось, Ксения никогда не забывалась, чтобы сбросить с лица выражение загадочности. Тайна завораживала и интриговала.

В детстве она любила незаметно пробираться в заросли желтой акации и, защищенная ими от любопытных соседских глаз, создавала «секретики». Она бережно доставала из кармашка все то, что собиралось ею в доме, – бусинки, цветочки, вырезанные красивые картинки – и выкладывала на блестящую фольгу, которую аккуратно расправляла после вкусной шоколадной конфеты. Теперь же, спрятавшись под желтым цветочным водопадом кустов, не спеша укладывала свое богатство в раскопанную лунку в земле и, накрыв его осколком толстого зеленого стекла, с восхищением смотрела на сверкавший серебром клад. Она медленно засыпала его землей, замороженно наблюдая, как стеклышко становится темнее и загадочнее, и, уплотнив ладошкой землю, горделиво обводила взглядом тенистый уголок под акациями, вспоминая другие закопанные сокровища. Позже маленькая Ксюша приводила сюда свою подружку Катю, и обе с волнением «неожиданно» обнаруживали кем-то зарытый зелено-серебристый клад. Катя восхищалась везучестью подружки и долго потом размышляла: почему же кладов не находит она?

Катя была стройная и хорошо сложенная, с темно-русскими волосами, стянутыми в тугой длинный хвост. Большие, глубокие голубые глаза и две ямочки на щеках придавали ей миловидность, но грубоватый, низкий голос немного разрушал мягкость образа. В ней ощущалась какая-то скрытая до поры до времени упрямая сила и чрезвычайная серьезность взрослой женщины. Красавица выглядела неприступной и порой смотрела сурово. Она считала себя привлекательней своей подружки и искренне не понимала, как можно быть такой легкомысленной и безрассудной. Карьера ее мало интересовала, семья была единственной ее ценностью. Уже тогда она планировала свою жизнь и знала, что у нее обязательно будет муж и двое детей, потому что мама часто говорила ей, что «достойная женщина обязательно должна быть замужем и матерью, а иначе с ней что-то не так!»

Романтическая школьная любовь обошла их стороной; истинные чувства посетили гораздо позже. Они были незрелы и наивны, но юность всегда очаровательна этим!

Удивительно приятно и радостно вспоминали они свои предпоследние летние каникулы, которые провели в гостях у Ксениной бабушки: сладкий запах теплых пирогов с абрикосом из собственного сада, крупную, невероятно ароматную малину, которую поедали из эмалированной кастрюльки, и длинные теплые вечера. Когда отступала неподвижная жара и приходила

прохлада, воздух наполнялся томным благоуханием флоксов, которые росли у крыльца. Их яркие бело-розовые шапки создавали атмосферу праздника и счастья. Светила луна, а где-то совсем рядом громко трещали сверчки.

Девочки долго засиживались в саду и уходили спать только тогда, когда свежий предутренний ветерок начинал пронизывать холодом. Они говорили о девичьих пустяках, а когда фантазии вырывались на волю, переходили на боязливый шепот, придававший словам мистическое и волнующее значение. Юная мечтательность уносила их далеко в загадочное будущее, рисуя прекрасные картины длинной жизни.

Наступало утро, и подружки бежали купаться на речку. Освежившись, спешили назад к завтраку, к теплым блинам со сметаной и медом. А потом бабушка традиционно спрашивала:

– Девчонки, что заказываете на обед?

И девчонки, ощущая важность вопроса, минуту подумав, игриво отвечали:

– Ну бабулечка, сама придумай. Нам все равно!

Бабушка, делая вид, что сильно сокрушается, при этом весело произносила:

– Ну девчонки, ну хулиганки!

Ей нравилось радовать и угождать. Она любила внучку, которую ласково называла Саночка. Ей нравилось имя Ксения, поэтому она сразу предложила молодой невестке и сыну назвать этим именем внучку. Маленькая рыжая бестия росла и напоминала лукавой улыбкой ее любимую сестру Шуру, память о которой осталась в теплых воспоминаниях далекого прошлого. С такой улыбкой сестра выглядела довольной жизнью и загадочнее самой Моны Лизы. Крепкая дружба бабушки и внучки была надежным жизненным островком для Ксении и свежим ветерком для пожилой женщины.

Уставшая от одиночества, бабушка с нетерпением ждала внучку в гости и теперь молодела, беспокойно кружась вокруг девчонок. Бесконечно приятными становились для нее моменты совместного распития чая.

– Пойдемте, девчонки, почаевичаем. Ксанка, доставай шоколадные конфеты. Они там, в шкафу, в вазочке.

Она разливала крутой кипяток и, с удовольствием побряхывая, дула на поверхность своей чашки. Она получала огромное наслаждение от этой маленькой компании. Девчонки от души забавляли ее своей болтовней. Обе непринужденно смеялись, когда на память приходила давно забытая детская история, шутили без усталости, и бабушка, позабыв все на свете, раскатисто смеялась вместе с ними. В такие моменты Ксения ловила на себе теплый и счастливый взгляд родного человека, который усиливал ее собственное ощущение юной радости. Обе подружки еще обладали тем легкокрылым весельем, которое неизбежно теряется позже...

Они поступили в один институт и устроились в институтскую библиотеку на подработку. Особая атмосфера библиотеки с тихими, уютными залами и неспешной жизнью давала возможность готовиться к зачетам и экзаменам. Так и в детстве Ксения и Катя бежали после уроков в школьную библиотеку и, присев на корточки, зависали над книгами. Им казалось, что здесь находится волшебная страна, а между рядами старых деревянных стеллажей живут сказочные герои, и достаточно только протянуть руку, чтобы достать любую сказку и погрузиться в волшебный мир грез. И только проходившая мимо библиотечарша, давно забывшая об их существовании, напоминала им, что пора идти домой.

Теперь же подружки сами заполняли читательские формуляры и выдавали книги преподавателям и студентам. Когда наплывала напористая толпа, они работали дружно и слаженно, а потом, чувствуя усталость – ноги ныли, – девчонки прятались в своей тайной комнате за стеллажами, пили чай и обсуждали молодых людей, которые заходили к ним в библиотеку. Каждый раз в эти минуты откровения они вспоминали Андрея, красивого студента 5-го курса. Высокий, стройный, с приятными и правильными чертами лица. Ничто в его облике не было обделено матушкой-природой, красок хватило сполна: и блеск в глазах, и здоровый цвет лица, и чувственная сила в движениях.

Кубань была его родиной. Окончив школу с золотой медалью, он уехал в Москву. Отлично выдержал вступительные экзамены и стал студентом престижного юридического института.

В речи, в модуляциях его голоса чувствовался человек, который ясно понимал свое влияние на других; он знал не только что хотел сказать, но и о чем умолчать. Он контролировал каждый звук и, казалось, даже свое дыхание, чтобы чары достигли его собеседника.

Ему были чужды грубость и пошлость, и лишь едва заметная вежливая улыбка обнаруживала скрытую насмешку. Свои намерения и мысли он прятал под красивой маской. Безусловно, такая природная органика и хладнокровие способствовали его формированию как талантливого юриста-международника, к карьере которого он усердно готовился. Приехавший из маленького городка, он окунулся в благополучную и циничную жизнь столицы. Он боролся с провинциальным произношением и с «культурной» завистью к москвичам. Москва – жесткий город – горела яркими огнями и открывала большие возможности. Перенаселенная людьми и отравленная деньгами и машинами, она казалась ему местом для больших профессиональных амбиций и достойного заработка. Замуровавшись в ледяном спокойствии, он лучше всего продумывал свои планы. Главное, вначале как-то зацепиться, адаптироваться.

Заглянув пару раз в библиотеку за учебными пособиями, он пленил впечатлительные жадные сердца подружек. Его приходы участились, и, не испытывая ни малейшего смущения, Андрей наслаждался обществом девушек.

Но именно с этого времени отношения между Ксенией и Катей стали незаметно меняться, внутри росло напряжение. Что-то новое и неизведанное бурей ворвалось в их молодые спокойные жизни. Разумная прежде Катя находилась теперь в возбужденном и неуравновешенном состоянии – ее чувства были разбужены первой влюбленностью, но пока так и оставались неудовлетворенными.

Каждый раз, ближе к обеду, она втайне ожидала Андрея. Девушка спешила освободить свое время от работы и нервно посматривала на часы. И когда появлялся он, она расцветала, позволяя себе легкую вольность в общении и кокетство. Иногда в минуты душевной близости его рука опускалась ниже, и, поглаживая ее талию, он притягивал девушку к себе. Подчинившись его желанию и воле, она теряла свои очертания, растворяясь в отношениях и в нем, как белый сахар в воде. Прежняя строгость Кати исчезла, уступая место пробуждавшейся нежности.

Ксения замечала перемены в подруге: та старательно прятала от нее глаза, подолгу беседуя с Андреем, и сразу затихала, когда Ксения внезапно появлялась. Ксения чувствовала, что их разговоры становились сердечнее, и, отрывая неловкий взгляд от влюбленной пары, неохотно оставляла их наедине.

Но менялась и сама Ксения. Новое, внезапно сладкое желание заполняло ее. Она испытывала легкую дрожь и опьянение чувств, обмениваясь взглядом с Андреем. Проникаясь тонким очарованием жизни, она испытывала физическую радость от прикосновений к человеку, который ей нравился. Его глаза, улыбка, даже запах обладали для нее яркой притягательной силой и пробуждали доселе дремавшую женскую сексуальную энергию.

Когда Андрей по-дружески подставлял свою щеку, она, нежно обнимая его, замирала в поцелуе. Ксения чувствовала неудержимое желание погрузить пальцы в его густые темно-русые волосы, но, привыкшая скрывать всякое движение души, довольствовалась одним созерцанием. Наконец он говорил ей комплименты и снова обращался к ее подруге. «Хуже не придумаешь. Не хочу, чтобы он почувствовал свою власть надо мной». И она прикладывала пальцы к красным глазам, чтобы удержать новые слезы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.